

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Studia et Novitas

№ 1 / 2026

<https://novitas-sci.ru/>

Главный редактор журнала:

Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Акимжанов Талгат Курманович, доктор юридических наук, профессор, Университет «Туран», Алматы, Казахстан

Вейр Бриджит, доктор философии (Школа юстиции), Технологический университет Квинсленда, Брисбен, Австралия

Гумбатов Эльнур Акиф, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Дайшутов Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Учредитель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://novitas-sci.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92146

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Studia et Novitas, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Теоретико-исторические правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Studia et Novitas» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Studia et Novitas» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC,
Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Akimzhanov Talgat Kurmanovich, Doctor of Laws, Professor, Turan University, Almaty,
Kazakhstan

Weir Bridget, PhD, School of Justice, Queensland University of Technology, Brisbane,
Australia

Gumbatov Elnur Akif, PhD in Law, Lecturer, UNESCO Chair “Human Rights and
Information Law”, Baku State University, Baku, Azerbaijan

Daishutov Mikhail Mikhaylovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department
of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.
Kikot, Moscow, Russia

Founder:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://novitas-sci.ru/>

Media registration number: El No. FS77-92146

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Studia et Novitas, 2026 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

Theoretical and historical legal sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Studia et Novitas" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Studia et Novitas" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

总编辑的杂志:

Куровская纳塔利娅Kurovskaya, 总干事, 中国科学院科学和教育、顿涅茨克、俄罗斯联邦

成员的编辑委员会:

Akimzhanov 题 Kurmanovich,法学博士, 教授, 图兰大学、哈萨克斯坦阿拉木图
Вейр 布里奇特 Weir 博士学位(学校的司法), 昆士兰技术大学、布里斯班, 澳大利亚
Гумбагов Elnur Akif Gumbatov 博士在法律系讲师的教科文组织"人权与信息的法律",
巴库国立大学、阿塞拜疆巴库

Daishutov 米哈伊尔*米哈伊洛维奇博士在法律系副教授, 刑事法部门、诉你。 Kikot
莫斯科大学内务部的俄罗斯, 莫斯科, 俄罗斯

创始人:

有限责任公司"科学院科学与教育"

创始人的地址:41 阿尔乔姆 str., 房间 306b, 顿涅茨克城市, 顿涅茨克人民共和国、283086.

锡: 9303040432

检查站:930301001

OGRN:1259300002103

电话:+7(909)679-60-04

网站 : <https://novitas-sci.ru/>

媒体登记号码: 电邮号码 FS77-92146

出版者 : Куровская 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事的 ANO 有限责任公司。

Адрес 出版商的地址: 莫斯科. Москва

©科 et Novitas、2026 年 г.

频率为每年 4 次.

该杂志发表文章的下列科学专业:

理论和历史法律科学学院

审查程序的文章

所有提交的稿件初步检查由编辑人员遵守该杂志的主题和检查的独创性(使用适当的软件和硬件系统)。文章,已经通过了这一阶段提交的匿名审查的成员在编辑委员会成员或外部专家参与。受到接收积极的评价没有评论在物质的研究,该文接受出版,包括在编辑的投资组合和安置在接下来的问题的期刊。

科学杂志"科 et Novitas"发表的科学和实用研究,在按照命名的科学专业,为其学位的奖励。

我们的杂志致力于使该出版物过程中尽可能方便用于作者,因此,它允许对设计各种选项,参考书目和参考资料。

所列出的来源是根据 GOST7.0.5-2008 年鉴于在该条结尾处在标题"列表中的资源"。以下格式的参考书目的是允许的:

- Внутритекстовые 内部文本链接(根据 APA 标准)

-脚注(根据 GOST7.0.5-2008 年)

- 不-文本链接(根据 GOST7.0.5-2008 年)

我们提供者与灵活性设计,以尽量减少繁文缛节并侧重于内容的研究。最主要的是均匀内的文章本身。

出版物的费用

编辑委员会成员不收取作者收费为筹备、安置或印刷材料。

当使用的出版材料的期刊,一个链接到"科 et Novitas"是强制性的。

全部或部分转载的资料只允许用书面批准的文章的作者或编辑委员会。

编辑的观点来看并不总是符合提交人的观点。

内容 是提供 下 лицензией 的知识共享归属 4.0 许可证。内容可在知识共享归属 4.0 许可证。

ОГЛАВЛЕНИЕ

СООТНОШЕНИЕ КОДЕКСА И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	8
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В 1985-1991 ГГ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	23
О ПРИЧИНАХ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	35
СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ	45
ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»	57

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340.13

СООТНОШЕНИЕ КОДЕКСА И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Ся Ивэй, Ph.D., Юго-западный университет финансов и экономики, Чэнду,
Сычуань, Китай, xuyiwei_cd79@yandex.ru**

Аннотация

Кодекс и федеральный закон – понятия во многом совпадающие, но не в полной степени тождественные. Эта особенность анализируется в настоящей статье. Раскрывается содержание термина «закон» и его основные признаки как нормативного правового акта, а именно общеобязательность, верховенство, особая процедура принятия и пр. Затрагивается аспект иерархии источников законодательства на основе Конституции РФ и отмечается формальное отсутствие кодекса в числе видов нормативных правовых актов, перечисленных в ней. Особенности кодекса, как феномена теории государства и права рассматриваются на примере Уголовного, Уголовно-процессуального и Трудового кодексов РФ, с опорой на конкретные нормы, определяющие статус кодексов. Делается вывод о приоритетности кодекса постольку, поскольку это является результатом волеизъявления законодателя-автора кодекса. Случаи, когда приоритет признается за иным федеральным законом, обосновываются его специальным характером, что поддерживается и Конституционным Судом РФ, позиция которого тоже анализируется в статье. Несмотря на все отличия кодекса и федерального закона как правовых категорий, конечный вывод сводится к тому, что и один, и другой виды источников законодательства являются федеральными законами, что означает их юридическую равнозначность, особенность же кодекса определяется не его приоритетом, а его формой и

волеизъявлением законодателя, который в одних случаях придает приоритет кодексу, а в других – иному федеральному закону.

Ключевые слова: иерархия законодательных актов, кодекс, кодифицированный источник законодательства, нормативный правовой акт, федеральный закон, юридическая сила

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CODE AND THE FEDERAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

**Yiwei Xia, Ph.D., Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu,
Sichuan, China**

Abstract

The Code and the federal law are largely identical concepts, but not completely identical. This feature is analyzed in this article. The content of the term "law" and its main features as a normative legal act are revealed, namely, general obligation, supremacy, a special procedure for adoption, etc. The aspect of the hierarchy of sources of legislation based on the Constitution of the Russian Federation is touched upon and the formal absence of the code among the types of normative legal acts listed in it is noted. The specifics of the code, as a phenomenon of the theory of state and law, are considered on the example of the Criminal, Criminal Procedure and Labor Codes of the Russian Federation, based on specific norms defining the status of the codes. The conclusion is made about the priority of the code insofar as it is the result of the expression of the will of the legislator-the author of the code. Cases where priority is recognized by another federal law are justified by its special nature, which is supported by the Constitutional Court of the Russian Federation, whose position is also analyzed in the article. Despite all the differences between the code and the federal law as legal categories, the final conclusion boils down to the fact that both types of sources of legislation are federal laws, which means their legal equivalence, while the peculiarity

of the code is determined not by its priority, but by its form and expression of the will of the legislator, who in some cases gives priority to the code. and in others – a different federal law.

Keywords: hierarchy of legislative acts, code, codified source of legislation, regulatory legal act, federal law, legal force

原文

之间的关系码和联邦法：理论和法律方面

槐 夏博士，西南大学的财务和经济学，中国四川省成都市

抽象

代码和联邦法律很大程度上是相同的概念，但不完全相同。这个特征进行分析，在这篇文章。内容的术语"法律"及其主要特征作为一种规范的法律行为被揭露，即，一般义务，至上，特别程序通过的，等等。方案层次的源的立法基础在俄罗斯联邦宪法触及时和正式没有代码之类的规范性法律的行为列在它的注意。具体细节的代码，作为一现象的理论和国家和法律，被认为是对例如《刑法、刑事程序和劳工法的俄罗斯联邦，根据特定准则确定该地位的编码。得出的结论是作出关于优先权的代码，因为它的结果表达的意愿的立法会议员-提交人的代码。的情况下，优先承认另一联邦法律是合理的，通过其特殊性质，这是支持宪法法院的俄罗斯联邦，其位置的是，也进行分析的文章。尽管所有之间的差异代码和联邦法为法律类别，最终结论归结为一个事实，即这两种类型来源的立法的联邦法律，这意味着他们的法律等同性的，而特殊性 代码的决定

不通过其优先权，但通过其形成和表达意愿的立法者，谁在一些情况下优先考虑的代码。 **和在其他不同的联邦法律。**

关键词： 分层结构的立法行为、编码、编纂源的立法、规章、法律行为，联邦法律，法律效力

介绍

层级结构的规范性法令(以下简称 NPA)可以认为两者的基础上，科学和理论的来源，形式理论，并在此基础上特定国家行动计划，首先，俄罗斯联邦宪法[]，其中有最高的法律效力，并建立相应层次的源的立法。在这种层次结构，一个独立的种类型的法律来源(资料来源的法律)是联邦法律(第 2 部分的《宪法》第 4 条的俄罗斯联邦)。当然，这是一个关键来源。它占绝大多数的立法行为在联邦一级。

在这种层次结构，联邦法律是逊色于法律效力的联邦宪法法律(第 3 部分的《宪法》第 76 条的俄罗斯联邦)和超过了在法律效力的所有其他规定，具有从属性质，包括总统令(第 3 部分的《宪法》第 90 条的俄罗斯联邦)。

在俄罗斯联邦宪法没有提到代码之源的立法，这是自然的，因为他们有法律上的状况的联邦法律。但《宪法》不规范的问题，其相关性与普通的联邦法律，其中有一大部分。其他来源的立法也没有提供明确答案的问题，关于这个比率。

主要的部分

如果我们考虑的术语"法律"在其理论方面，考虑到规范，目前俄罗斯的立法，然后它 **可以被定义**为一个非政府组织，具有至高无上的地位之间的其他非政府组织(**最高法律效力**)， **通过了**该框架中的一个特别程序和操作在内的整个领土的状态，提供的法律规定的最重要的方面，各国[, p. 42].

这个定义，提出了通过 S.A.Vorobyova, **反映了**不仅是正式的组成部分法律作为法律来源，而且她提交人的意见现象的法律本身，它们感兴趣的科学讨论，以便形成一个更清晰的想法的法律。

最高的法律效力的法律是一个而是有条件的特性。 一方面，这一特性是不容质疑，因为它是法律的基础上形成的公共关系的状态。在这方面，这不是巧合，这些概念如"合法性"和"法治"早已引入法律术语。从这些立场，当然，法律具有最高的法律效力，如果它认为在一般的理论方面，则没有必要指定哪些法律正在讨论，特别是鉴于普遍约束力的监管法律规定为每个主题的法律关系。

然而，如果我们考虑到，例如，规范《宪法》，俄罗斯联邦，它变得很明显，不是每一个法律具有最高的法律效力，但只有《宪法》本身。 同时，第 2 部分的《宪法》第 4 条认识到的至高无上的联邦法律，与《宪法》，在整个国家。

问题的规范最重要的关系也是有争议的。事实上，法律通过精确地对这些问题的最大重要性。然而，这并不意味着所有问题，不是由法律规定，但规定在本章程一级，较不显著。

一个特别程序令也是有趣的是从观点的认识作为区分的法律。鉴于各法律获得通过的框架中一个特别程序和具体由立法机关，这是不可能不认识到一个特殊的程序令中作为一个重要的质量的法律。然而，这并不意味着其他管制法律行为通过了该框架的过程，没有一个特殊的性质。最终，什么的问题应当被理解为一个特殊顺序也没有那么清楚。一个过程，是复杂和官僚作为可能可以被认为是特殊的；另一方面，一个程序，以简化，如有可能，考虑到具体的特定情况下，也可认为是特殊的。

S.A.Vorobyova 还注意到，在优先的人权之间的素质的法[， p. 42]. 这个特征可以得到承认。但是，只有当我们考虑法律方面的立法的一个特定的国家和管理一个特定区域的法律关系，考虑到质量的特定法律。在一般情况下，它几乎是不可能的来说，法律规定，作为一个法律的现象，是根据自身的优先人权。这个特征的法律重要的是法律上和事实上的；它是可取的，而且，它是强制性的。但是从观点的做法，它并不总是实现的。最后，即使这些法律的行为相对应的其他特征的法律，但是没有特别的优先权人权利的法律。因此，法律作为一个法律法令和文件旨在管制公共关系可能没有考虑到的优先人权。

法律是很合理的区分在国家行动计划系统正的基础上，其主题事项的法律法规，其中包括精确地说最重要的公共关系，如上所述。作为对关系较不重要，作为一项规则，他们是受法规在下一级[p. 13]. 较不显着的关系往往没有适当的法律法规，但是这方面不会改变实质的法律。

该法律概念也可以被认为是更抽象地. 但在这种情况下，是在具体化，是极其重要，所以值得强调的是存在具体的法律地位的一项法律，承认国家在人的立法(地位的联邦宪法法律地位的联邦法律)。

一个相关的法律类别的代码。它可以被解释为行政法律特征，通过系统化，并通过了由立法当局在其职权范围内[p. 60].

在此，主要应注意的问题的系统化，这意味着它的目的是在一个更一致、更加全面、更详细的规定关系。系统化，当然，是或多或少的固有任何国家行动计划，以及编纂，但它是更具特色的代码本身。

毫无疑问，它是编纂法律的行为，占有特殊的地位，在法律系统的国家，鉴于其特点在三个结构性平面：

-分层的。

-产业界-具体。

-联合[p. 60].

分级征的一个编纂行动意味着，作为一项规则，它优先于其他立法调节相似或相关的法律关系。

该行业的具体细节包括的事实是，作为一项规则，一个编纂行动提供了法律法规的不一的方面，但的一整套问题合并到一个特定行业(子产业)。

联邦方面意味着该码作为一个参考点的所有科目的联合，如果有一个调节的问题，共同设法通过联邦中心和主题。

综上所述，一个可以正确地询问如何确切问题之间的相关法和法律，主要是联邦的一个，应该得到解决，考虑到《宪法》的规定和特定的编纂源的俄罗斯立法，特别是《刑法》的俄罗斯联邦[(下称《刑法》的俄罗斯联邦)《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦[(以下称为《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦)，《劳动法典》的俄罗斯联邦[(以下称为《劳动法》的俄罗斯联邦)。

没有达成共识在这个问题在文献和科学家提供不同的看法。 **第一小组**作者证实了该意见的基础上，它的代码是一个普通的联邦法律，没有任何优先于其他联邦法律。 **第二小组**作者认为，该码作为一个来源，占有特殊地位在系统中的立法，之间的中间位置的联邦宪法》和联邦法律。 **第三小组**作者的意见是，该守则具有优先于其他联邦法律，同时正在一个联邦法律本身；优先事项的确定是根据实践和地位的立法者本身[p.61].

现在让我们转到宪法的规范俄罗斯联邦，这给一些一般性之间的关系的理解代码和联邦法律(尽管码都没有提到在它)。 **至高无上的《宪法》**，其中提到第 2 部分的第 4 条， **沿着与联邦法律**，显然应当作广义的解释以及全面。 **就是说**，《宪法》，以及联邦法律，通常具有至高无上，而不是当它们相互比较。 **看来**，联邦宪法也涵盖这一准则。 **在这个意义上说**，联邦法律和联邦宪法》有条件地彼此一致的：两者都有法律地位的联邦法律。

同时，第 3 部分第 76 条的俄罗斯联邦宪法确立了优先的联邦宪法法律在联邦法律。这意味着，在一般情况下，法律在联邦一级通过，这 **可**视为一个单一的现象在一个复杂的，是在某一层当相互交流。 **在这方面**，联邦宪法法律

· 根据第 1 部分的《宪法》第 108 条，提供该条例的最重要方面的公共和国家生活范围的定义在宪法。其他立法行为是从属性质，是逊色于法律效力的，以联邦法律和联邦宪法法律，根据《宪法》第 90 条。

官方的风景之间的关系码和联邦法律澄清了宪法法院的俄罗斯联邦(以下称为《宪法法院的俄罗斯联邦》)号决议第 9-P14.05.2015，其中规定了"规则，在发生冲突之间的法律平等的法律效力，随后的法律和法律专门用来规范有关的法律关系"被认为是优先权[]。换句话说，就是没有那么多的状况代码的事项作为主题事项的监管。和编纂来源常常把优先权的正是因为他们特殊的目的，并不是因为 编纂，因为人们可能想象的。

然而，在文献中，代码通常被认为是准确的基础上，优先权由于非常因数的编纂。此外，当描述的特殊作用的代码，他们往往还要考虑到卷的管制材料提出了他们。因此，a.v.库兹明，考虑到这一问题的民事立法的特点代码为核心的《国家行动计划》系统在该方面的特定管理领域，还注意到其制成的作用[，第 115-116 页]。很难不同意这种评估。

这是不可能不注意到这样一个功能，因为存在许多情况下的重复的准则的代码准则的联邦法律，反之亦然。在这种情况下，很难说哪源具有优先权。然而，毫无疑问，法律含有特殊的 规范具有优先权，至少不是在大，但部分的个别准则[p. 119]。

有必要认识到，许多成文来源的俄罗斯法律具有优先权，因为它是固定的，通过自己的位置和立法者不能被忽略。然而，所存在的优先编纂源并不意

味着问题的冲突之间代码和另一个联邦法律不能提出的框架内执法实践或框架内的科学讨论[p.222].

分析的问题相关的编码与其他联邦法律，N.N.Lukasheva 是指规定的劳动法的俄罗斯联邦，这通常被认为是一个优先源的立法规定了劳资关系，根据第 5 条。然而，这种优先是否否认某些规范的劳动法，例如，在情况下的灾害，根据第 252 条. 它也是受限制的关系涉及公务员劳动法的俄罗斯联邦：根据第 11 条，在这种情况下，法律上相关的服务和地位的雇员时应考虑到作为一个优先事项。考虑到这样的特征，N.N.Lukasheva 的结论是，在最终的分析中，联邦法律具有优先权，而不是劳动法的俄罗斯联邦[pp.226-227]. 这完全符合位置的宪法法院的俄罗斯联邦，这给优先权的来源的立法含有特殊的规范。

一个完全不同的方法是在框架的规范承担刑事责任。第 1 条的《刑法》的俄罗斯联邦宣布它在法律上唯一来源，刑事立法。因此，其他代码和其他联邦法律没有任何优先权规范的刑事责任问题。但是，鉴于在许多情况下，执法官员也指其他联邦法律，存在的规范它们是重要的，为解决这一问题的刑事责任不应受到质疑。这种情况下，当代码有一个明确优先于其他联邦法律正是由于其直接指示，并且它不仅是一个问题的优先，而且也是完全否定角色的其他联邦法律，当然，这是不可能同意。

许多规范刑法典，俄罗斯联邦提供的赔偿责任对于违反的特定立法，提出了分别由其他联邦法律。如果我们假设一个联邦法律被视为"不同的"将被认为无效，那么某些规范刑法典俄罗斯联邦将失去所有法律意义。

应该指出的是，在俄罗斯的法律系统，并不是所有的代码形式的联邦法律；还有，特别是，各种道德守则，但他们的地位从属条例，并因此关系的问题的联邦法律，他们是不是提出在这篇文章。

结论

在理论的国家法律和其他分支的法律的科学，不同的意见提出之间的关系码和联邦法律。但是，无论一个人的意见，一个不能否认代码的地位的联邦法律，其部分等同于与其他联邦法律在大多数情况下。但绝对优先的代码是一个特殊现象，奇特的，也许，只有刑法典俄罗斯联邦。

因此，该代码应被视为一个源的立法，具有特殊性，不是因为其更大的法律效力，但由于其特殊的形式和内容。优先地位代码确定没有那么多的事实编纂工作本身，以通过具体表达意愿的立法者，谁在一些情况下优先考虑代码，并在其他人到另一个联邦法律。

列表的文献

1. 《宪法》的俄罗斯联邦(通过全民投票在 12.12.1993；与修正案的批准，在所有俄罗斯的投票 01.07.2020)//俄罗斯报. 1993 年。 №237.
2. 《刑法》，俄罗斯联邦的第 63-FZ13.06.1996(经修正的关于 31.07.2025)//Sobranie zakonodatelstva RF, 1996 年，第 25 号，第 2954.
3. 《刑事诉讼法》，俄罗斯联邦的第 174-FZ18.12.2001(经修正的关于 31.07.2025)//Sobranie zakonodatelstva RF, 2001 年，第 52(I ch.), st. 4921.

4. Trudovoi kodeks Federatsii》 ot30.12.2001 第 197-FZ(红 色 。 ot31.07.2025)//Sobranie zakonodatelstva RF。 2002 年。 №I,(ch。 I)。 圣 3.
5. 决议的宪法法院的俄罗斯联邦的 14.05.2015 第 9-P"的情况下, 检查是否符合宪法的条第 5 款的第 11 条, 俄罗斯联邦法律"关于法官地位的"俄罗斯联邦在要求最高法院主席团的"俄罗斯联邦//SPS"ConsultantPlus".
6. 沃罗比约夫,S.A., 法律及其作用, 确保人权(理论和法律方面): 综合安全分遣队. ...cand. 法律部门。 科学的. 鄂木斯克、2014 年. 225 页。 (俄罗斯)
7. A.v.库兹明[规范性法律作为来源的合同的法律 : 联邦一级]. Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy[杂志的法律和经济研究结果]。 2022 年。 第 4 号。 第 114 到 120.
8. Lukasheva N.N.Kodifitsirovannye zakonodatel'nye akty v sisteme 联邦 'nykh zakonov Federatsii》 [编纂的立法行为在该系统的联邦法律 , 俄罗斯联邦]. 2017 年。 Vol。 3(69), No.3,pp.218-228.
9. Matyunin M.F.行为编纂法律系统的立法行为的鞑靼斯坦共和国。 2009 年。 第 3 号。 第 59-63 中.
10. 季霍米罗夫余。 A., Boshno S.V.Teoriya zakona:obshchie zakonomernosti i novye podkhody[法律理论 : 一般法律和新的办法]. 2018 年。 第 1 号。 pp.9-17.
11. Shchelkonogova E.V.系统的来源的刑事法律//Bulletin 乌拉尔法律研究所内部事务的俄罗斯。 2022 年。 第 2 号。 pp.170-174.

Список литературы

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № I, (ч. I). Ст. 3.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Воробьева С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 225 с.
18. Кузьмин А.В. Нормативные правовые акты как источники договорного права: федеральный уровень // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 114–120.
19. Лукашева Н.Н. Кодифицированные законодательные акты в системе федеральных законов Российской Федерации // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 218–228.
20. Матюнин М.Ф. Акты кодификации законодательства в системе законодательных актов // Научный Татарстан. 2009. № 3. С. 59–63.
21. Тихомиров Ю.А., Бошно С.В. Теория закона: общие закономерности и новые подходы // Право и современные государства. 2018. № 1. С. 9–17.

22. Щелконогова Е.В. Система источников уголовного права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 170–174.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993; s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
4. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № I, (ch. I). St. 3.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.05.2015 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 5 stat'i 11 Zakona Rossijskoj Federacii O statute sudej v Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Prezidiuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Vorob'eva S.A. Kachestvo zakona i ego rol' v obespechenii prav cheloveka (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2014. 225 s.
7. Kuz'min A.V. Normativny'e pravovy'e akty' kak istochniki dogovornogo prava: federal'ny'j uroven' // Zhurnal pravovy'x i e'konomicheskix issledovanij. 2022. № 4. S. 114–120.
8. Lukasheva N.N. Kodifitsirovanny'e zakonodatel'ny'e akty' v sisteme federal'ny'x zakonov Rossijskoj Federacii // Ucheny'e zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). № 3. S. 218–228.
9. Matyunin M.F. Akty' kodifikacii zakonodatel'stva v sisteme zakonodatel'ny'x aktov // Nauchny'j Tatarstan. 2009. № 3. S. 59–63.
10. Tixomirov Yu.A., Boshno S.V. Teoriya zakona: obshhie zakonomernosti i novy'e podxody' // Pravo i sovremenny'e gosudarstva. 2018. № 1. S. 9–17.

11. Shhelkonogova E.V. Sistema istochnikov ugovnogo prava // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 170–174.

Научная статья

УДК 338.242, 340.158

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В 1985-1991 ГГ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Роджерс Маркус, Ph.D., доцент, Университет Пердью в Западном
Лафайете, tcarneysyd74@gmail.com**

Аннотация

Главная задача статьи – осмыслить отечественный опыт развития рыночной экономики в условиях социалистического правопорядка в период с 1985 по 1991 гг. именно в правовом аспекте. В основе статьи лежит изучение конституционных положений о Советском государстве и праве, закреплённых в Конституции СССР 1977 г. и их соотнесение с теми правовыми реалиями, которые определяли развитие рынка в годы перестройки. На основе Конституции отмечаются некоторые принципиально значимые особенности, присущие социалистическому правопорядку, в том числе в области экономики. Учтены разные позиции, исходя из чего даётся правовая оценка событий указанного периода, в том числе с точки зрения признания факта зарождения рыночной экономики в СССР. Критически оценены позиции, отрицающие становление рыночной экономики в СССР и поддержана позиция, признающая факт её развития. Взгляды аргументированы в том числе фактами о зарождении коммерческой банковской системы, формальной и фактической поддержки предпринимательства, трансформации собственности из государственной в частную и пр. На основе этого делаются выводы о принципиальной возможности развития рыночной экономики в условиях социалистического правопорядка и отрицается идея принципиальной несовместимости рыночных институтов с формально социалистической правовой системой. Безуспешность попыток сформировать рынок при сохранении СССР автор не считает поводом для отрицания совместимости рынка с социалистическими правовыми реалиями.

Ключевые слова: капитализм, перестройка, рыночная экономика, социализм социалистический правопорядок

Original article

**DOMESTIC EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF A MARKET
ECONOMY UNDER THE CONDITIONS OF SOCIALIST RULE OF LAW IN
1985-1991: A LEGAL ASPECT**

Rogers Marcus, Ph.D., Associate Professor, Purdue University in West Lafayette

Abstract

The main objective of the article is to comprehend the domestic experience of the development of a market economy in the conditions of the socialist rule of law in the period from 1985 to 1991 in the legal aspect. The article is based on the study of the constitutional provisions on the Soviet state and law, enshrined in the 1977 Constitution of the USSR, and their correlation with the legal realities that determined the development of the market during the years of perestroika. On the basis of the Constitution, some fundamentally significant features inherent in the socialist legal order are noted, including in the field of economics. Different positions are taken into account, based on which a legal assessment of the events of the specified period is given, including from the point of view of recognizing the fact of the emergence of a market economy in the USSR. The positions that deny the formation of a market economy in the USSR are critically evaluated and the position that recognizes the fact of its development is supported. The views are substantiated, among other things, by the facts about the emergence of the commercial banking system, formal and actual support for entrepreneurship, the transformation of property from state to private, etc. Based on this, conclusions are drawn about the fundamental possibility of developing a market economy in a socialist legal order and the idea of the fundamental incompatibility of market institutions with a formally socialist legal system is rejected. The author does not consider the failure of attempts to form a market while preserving

the USSR to be a reason to deny the compatibility of the market with socialist legal realities.

Keywords: capitalism, perestroika, market economy, socialism, socialist rule of law

Введение

Продолжавшийся с 1917 по 1991 гг. период отечественной истории, именуемый советским, в целом справедливо рассматривают как эпоху социалистического государства, которому чужды принципы рыночной экономики с ее свободой и предпринимательством, особо охраной и поощрением институтов частной собственности, в том числе на средства производства. Однако это лишь общий взгляд, имеющий мало общего с последними годами существования Советского государства, когда идеи рыночной экономики отчасти стали воплощаться, причём именно в условиях социалистического правопорядка.

В научной литературе указанный период, длившийся с 1985 по 1991 гг., обычно принято рассматривать сугубо в контексте исторического развития, политических преобразований и экономики. Правовой же аспект затрагивается нечасто, хотя именно преобразования правового характера можно считать ключевыми для указанного периода, и в данном исследовании рассматриваются именно они.

Основная часть

Говоря о социалистическом правопорядке как в целом, так и относительно периода перестройки, нужно в первую очередь рассмотреть конституционные положения, которые формировали данный правопорядок. Они были представлены в Конституции СССР 1977 г. [1]. Признавая значимость каждой статьи данной Конституции, считаем возможным выделить лишь некоторые её нормы, которые наиболее ярко отражали этот социалистический правопорядок.

Прежде всего, сказать стоит о ст. 1 Конституции, где декларировалось, что государство является именно социалистическим. Отмечая социалистический

характер государства, тем не менее, в преамбуле данного документа имелась отсылка к идеям научного коммунизма и революционным традициям как более радикальным и принципиальным ориентирам, отчасти отличным от социалистических. В целом сказанное даёт представление о том, каким именно государство было если не де-факто, то, по крайней мере, де-юре.

Экономическая система в рассматриваемой Конституции описывалась тоже исходя из социалистических идей. При этом в первоначальной редакции рассматриваемой Конституции декларировался приоритет именно социалистической собственности (ст. 10), в то время как последующие редакции, в частности, редакция 1990 г., о социалистической собственности уже не упоминала, отмечая при этом разнообразие форм собственности и обеспечение их равной защиты.

Нельзя, однако, не отметить, что и в первоначальной редакции рассматриваемой Конституции, и в последующих редакциях имело место неоднократное упоминание о кооперативах и кооперативной собственности, что уже отчасти закладывало идеи, допускавшие возможность осуществления предпринимательской деятельности.

Принципиально важным было и положение, декларировавшее взгляды на труд, исходя из которого главный принцип социализма был сформулирован следующим образом: «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Данное положение, как ни странно, сохранилось неизменным и в вплоть до момента отмены указанной Конституции.

Изложенное в целом отражает вполне конкретную специфику социалистического правопорядка, где не упоминалось о рыночной экономике.

Важной составляющей социалистического правопорядка были и некоторые экономические принципы, а именно руководство экономикой на основе государственных планов, что тоже декларировалось к Конституции СССР 1977 г.

Здесь стоит признать, что уже в то время социалистические идеи были гораздо менее радикальными, нежели в первые годы Советского государства, а потому были определённые и правовые предпосылки для зарождения некоторых рыночных механизмов.

Более того, и определённое теоретическое подкрепление идей внедрения рыночных механизмов в условиях социалистического порядка тоже имело место быть. Здесь уместно сказать о так называемых теориях рыночного социализма [2, с. 128], роль которых нельзя отрицать, несмотря на их спорность.

Вообще изначально вопрос о роли рынка применительно к социалистическому правопорядку ставился уже в годы новой экономической политики (НЭП). Однако какой-либо системы взглядов в то время сформировано не было именно применительно к проблематике рынка. Более того, попытки развить такие идеи были прерваны внедрением практики пятилетнего планирования (введение пятилеток). Тем не менее, некоторые попытки осмысления рыночных идей применительно к социалистическим реалиям периодически предпринимались практически на протяжении всей истории Советского государства [2, с. 128]. Хотя в целом реализация идеи внедрения рыночных инструментов не рассматривалась в положительном аспекте, говорить о полном отсутствии теоретического обоснования нельзя.

А не стоит считать, что внедрение элементов рыночной экономики в условиях социалистического правопорядка было изначально хорошо спланированной системой мер. Напротив, во многом это был результат сложившейся трудной ситуации, как своего рода вынужденная мера. А об этом дают возможность судить те характеристики состояния советского права и экономики, которые даются в научной литературе, прежде всего современной, во многом лишённой каких-либо идеологических предрассудков.

Например, В.В. Гошуляк пишет: «С середины 80-х гг. XX в. Советский Союз постепенно стал втягиваться в глубокий системный кризис, связанный в основном с отношениями собственности и превалированием социалистической

общенародной собственности, строящейся на постулатах марксизма-ленинизма» [3, с. 73].

В данном случае нет цели рассматривать конкретные причины, обусловившие кризис, однако сам факт наступления кризиса сомнений не вызывает, и в этой связи именно рыночные механизмы стали теми инструментами, посредством которых руководство страны пыталось преодолеть кризисные явления. То есть рыночные институты рассматривались не как самоцель, а как средство борьбы с кризисом.

Очевидно, что такие инструменты не в полной мере соответствовали социалистической идеологии, однако руководству приходилось с данным фактом мириться, ориентируясь на цели и ожидаемые результаты, а не на саму идеологическую форму.

Экономические преобразования 2-й пол. 1980-х гг. принято связывать с именем М.С. Горбачёва, пытавшегося усилить темпы экономического роста на основе декларируемых принципов социализма и марксистско-ленинской идеи, но с учетом изменившихся реалий. При этом в планы входило ориентироваться на опыт 1-й пол. 1920-х гг. Тоже при этом особый акцент в рамках преобразований, которые были объявлены на XXVII съезде КПСС, делался на широкое использование товарно-денежных отношений, усиление личной заинтересованности в результатах труда [3, с. 73].

Важнейшая идея состояла в том, что государство в меньшей мере обещало вмешиваться в экономические отношения, соответственно, способствуя внедрение рыночных институтов [3, с. 74].

Такого рода преобразования были во многом фрагментарными, ведь, внедряя, по сути, капиталистические идеи, страна оставалась в русле социалистическом.

Уместно сказать и о том, что системных законодательных преобразований не было. Они во многом были половинчатыми. Тем не менее, некоторые нормативные правовые акты оказали весьма существенное влияние на ход

перестройки. Например, в 1988 г. вступил в силу Закон о государственном предприятии, который, между тем, был ориентирован на усиление именно негосударственного сектора экономики. Примечательно, что в нём не признавалась частная собственность, однако говорилось о собственности трудовых коллективов, которые и управляли производством. Было внедрено и понятие «государственный заказ», который касался как негосударственных, так и совместных предприятий [3, с. 75].

Весьма существенные стимулы в годы перестройки были созданы для кооперативного движения [3, с. 76], преимущественно, благодаря принятию Закона о кооперации в СССР в 1988 г. [5, с. 12], что во многом определяло развитие рынка.

Между тем, в науке не сложилось общепринятого мнения о том, формировались ли основы рыночной экономики в до 1991 г. По взглядам на этот вопрос все учёные условно делятся на три группы. Представители первой группы полагают, что рыночная экономика начала формироваться уже после разрушения СССР де-факто; период же перестройки они рассматривают в качестве эпохи, когда просто проводились эксперименты, причём с попытками сохранения социализма. Другая группа исследователей, полагает, что де-факто рыночная экономика стала формироваться уже после распада СССР, однако де-юре её основы были сформированы именно в годы перестройки. Наконец, третья группа учёных полагает, что именно в эпоху перестройки стала формироваться рыночная экономика; причём особую роль в этом они усматривают за Законом об индивидуальной трудовой деятельности [5, с. 3]. Каждая позиция видится обоснованной, однако более убедительной считаем все же мнение тех, которые считают, что рыночная экономика стала формироваться именно в годы перестройки, то есть с уже с 1985 г.

Представляется весьма убедительным мнение о том, что с 1986 по 1990 гг. переход к рынку носил во многом латентный характер, в том числе и ввиду формального сохранения социалистической идеологии; в 1990–1991 гг. переход

к рынку принял уже открытый характер, когда официально власти СССР его декларировали и проводили явную политику по разгосударствлению экономики, приватизации, реформированию земельной сферы правоотношений, расширению свободы предпринимательства, стимулированию конкуренции, переходу к свободному ценообразованию и пр. [5, с. 11–12].

Условно периодизацию можно представить и в ином виде, но именно выделение латентного и открытого этапов наиболее ярко отражает специфику формирования рынка в условиях социалистического правопорядка: латентность во многом была обусловлена попытками сохранить социалистическую идеологию, по крайней мере формально.

Весьма характерной особенностью советского опыта развития рынка в условиях социалистической парадигмы была разработка всех фундаментальных проектов нормативных актов под социалистическими лозунгами [5, с. 11–12]. В дальнейшем же социалистическая направленность либо нивелировалась, либо вовсе отрицалось.

Представляется особо важным обратить внимание на формирование уже в советский период банковской системы рыночного типа, то есть с коммерческими банками [5, с. 13]. Подтверждая это, отметим, что 24 августа 1988 г. в СССР был зарегистрирован первый коммерческий банк; в РСФСР первый коммерческий банк появился тремя днями позднее, а к концу 1988 г. в РСФСР деятельность вели уже 25 коммерческих банков. Позднее государственные специализированные банки были переведены на самофинансирование и хозрасчёт [5, с. 643]. Эти факты являются весьма убедительными подтверждениями того, что и де-юре, и де-факто рыночная система хозяйствования формировалась именно в последние годы существования Советского Союза.

В 1990–1991 гг. был коренным образом пересмотрен подход к регулированию собственности, в результате чего единоличная собственность стала занимать приоритетное место в сравнении с

собственностью коллективной. В это же время и предпринимательская деятельность была в полной мере признана, что сопровождалось соответствующим юридическим закреплением [5, с. 13].

Вместе с тем, взгляды тех, кто считает, что становление рыночной экономики началось после распада СССР, нельзя рассматривать как бесосновательные. Обоснованность таких взглядов становится более очевидной, если обратиться, например, к опыту союзных республик. Законодательство отдельных республик прямо предусматривало переход к рыночной экономике, в то время как законодательство других республик такой переход регламентировало опосредованно, в частности, путём легализации многообразия форм собственности. Отдельные республики признавать рыночные отношения отказывались [4, с. 29].

М.Ф. Польшов М.Ф и Е.А. Тарасова отмечают, что с 1989 г. разработка новой экономической политики перешла в разряд важнейших государственных задач, и именно тогда открыто провозглашали программу формирования регулируемой рыночной экономики [6, с. 113–114]. В данном случае нет необходимости перечислять элементы рыночной экономики, которые намеревались сформировать и развивать далее. Само провозглашение идей уже о многом говорит.

Конечно же, политика перехода к рынку сопровождалась весьма серьёзными кризисными явлениями и жёсткой политической борьбой [6, с. 122], однако на этих моментах нет необходимости концентрироваться, поскольку политическая составляющая не представляет исследовательского интереса.

Вместе с тем, согласимся с А.Б. Семенко в том, что идеи планово-рыночной экономики и регулирования рынка именно в годы перестройки получили официальное обоснование, хотя оказались нежизнеспособными [7, с. 8]. Изложенное не означает, что реализация идей построения рыночной экономики невозможна в принципе в условиях социалистического правопорядка.

Стоит сказать, что процесс развития рыночной экономики в годы перестройки характеризовался наличием существенных противоречий [7, с. 11]. Причин таких противоречий было много. Но вопрос их рассмотрения является скорее экономическим и политическим, нежели юридическим, а потому к нему обращаться не представляется необходимым.

Заключение

Отечественный опыт 2-й пол. 1980-х гг. показал, что развитие рынка является возможным даже в условиях социалистического правопорядка, а потому сам рынок нельзя рассматривать как феномен, присущий исключительно капиталистической экономике и правопорядку, отличному от социалистического. Одновременно с этим, советский опыт продемонстрировал и некоторую условность понятия «социализм», если говорить именно о его практическом воплощении, ведь де-юре социалистический правопорядок может вполне допускать развитие определённых институтов, которые принято относить к институтам, присущим капиталистическому правопорядку.

Можно сделать и вывод о возможности соединения в правовых условиях одного государства как капиталистических, так и социалистических институтов экономики.

Признавая, что внедрение рыночных институтов в условиях социалистического правопорядка повлекло массу негативных последствий, не считаем в возможным признавать принципиальную несовместимость рыночных институтов в условиях социалистической правовой системы.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) – утратила силу // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гловели Г.Д. Рыночного социализма теории // Большая российская энциклопедия. Том 29. М., 2015. С. 128.

3. Гошуляк В.В. Эволюция экономических основ конституционного строя СССР в период перехода от социализма к капитализму. 1985–1991 гг. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 72–80.
4. Лукашевич Д.А. Конституционно-правовое оформление перехода СССР к рыночной экономике // Вестник Московского университета МВД России. 2001. №. 2. С. 24–30.
5. Лукашевич Д.А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985-1991 гг. : автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 2022. 40 с.
6. Плынов М.Ф., Тарасова Е.А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989-1991 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 113–127.
7. Семенко А.Б. Организационно-правовые основы преобразований плановой экономики советского государства в период «перестройки» (1985-1991 гг.): автор. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 26 с.
8. Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М.: Фонд современной истории; Изд-во Мос. ун-та, 2012. 760 с.

References

1. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977) – utratila silu // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Gloveli G.D. Ry`nochnogo socializma teorii // Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya. Tom 29. M., 2015. S. 128.
3. Goshulyak V.V. E`volyuciya e`konomicheskix osnov konstitucionnogo stroya SSSR v period perexoda ot socializma k kapitalizmu. 1985–1991 gg. // E`lektronny`j nauchny`j zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo». 2021. Т. 9, № 4. S. 72–80.

4. Lukashevich D.A. Konstitucionno-pravovoe oformlenie perexoda SSSR k ry`nochnoj e`konomie // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2001. №. 2. S. 24–30.
5. Lukashevich D.A. Pravovoe regulirovanie processa formirovaniya ry`nochnoj e`konomie v SSSR v 1985-1991 gg. : avtoref. dis. ... dok. jurid. nauk. M., 2022. 40 s.
6. Poly`nov M.F., Tarasova E.A. Perexod k ry`nochnoj e`konomie v SSSR v gody` perestrojki: bor`ba za sozdanie koncepcii. 1989-1991 gg. // Novejshaya istoriya Rossii. 2017. № 1 (18). S. 113–127.
7. Semenko A.B. Organizacionno-pravovy`e osnovy` preobrazovanij planovoj e`konomie sovetskogo gosudarstva v period «perestrojki» (1985-1991 gg.): avtor. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2012. 26 s.
8. Yanik A.A. Istoriya sovremennoj Rossii: Istoki i uroki poslednej rossijskoj modernizacii (1985–1999). M.: Fond sovremennoj istorii; Izd-vo Mos. un-ta, 2012. 760 s.

Научная статья

УДК 340

О ПРИЧИНАХ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Прихожая Людмила Евгеньевна, к.ю.н., старший научный сотрудник федерального казённого учреждения "Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний", andkalyashinvl@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются причины правового нигилизма в молодежной среде в условиях современного правового государства. В рамках исследования в первую очередь уточняется понятие «молодёжь» и подчёркивается размытость возрастных рамок данной категории населения, исходя из действующего законодательства. Затрагиваются разные подходы к трактовке понятия правового нигилизма, встречающиеся в современной научной литературе, с учетом отсутствия законодательно закреплённого определения нигилизма. Анализируются документы стратегического планирования, отражающие состояние рассматриваемой проблемы как в целом, так и применительно к молодёжной среде. Отмечается крайняя негативность данного явления при его вполне естественном характере для современного правового государства, и важность преодоления. Предпринимаются попытки обобщённо осмыслить существующие социально-экономические, правовые и некоторые иные факторы, которые прямо или косвенно способствуют формированию нигилистических взглядов на закон, государство и связанные с ними институты у представителей современной молодёжи. В статье также отражается объективный характер предпосылок правового нигилизма. Обосновывается важность преодоления данной проблемы и излагаются авторские взгляды на вопросы правового нигилизма и устранение способствующих ему причин в молодёжной среде.

Ключевые слова: законность, молодежь, правовое государство, правовой нигилизм, правопорядок, правосознание, причины правового нигилизма

Original article

ON THE CAUSES OF LEGAL NIHILISM AMONG YOUNG PEOPLE IN A RULE-OF-LAW STATE

**Prikhozhaya Lyudmila Evgenyevna, Candidate of Law, Senior Researcher,
Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary
Service"**

Abstract

The article examines the causes of legal nihilism among young people in a modern rule-of-law state. The study primarily clarifies the concept of "youth" and highlights the blurred age range of this category of the population, based on current legislation. The article touches upon different approaches to the interpretation of the concept of legal nihilism found in modern scientific literature, taking into account the lack of a legally fixed definition of nihilism. The strategic planning documents are analyzed, reflecting the state of the problem under consideration both in general and in relation to the youth environment. The extreme negativity of this phenomenon is noted, given its quite natural nature for a modern rule-of-law state, and the importance of overcoming it. Attempts are being made to generalize the existing socio-economic, legal and some other factors that directly or indirectly contribute to the formation of nihilistic views on the law, the state and related institutions among representatives of modern youth. The article also reflects the objective nature of the prerequisites of legal nihilism. The importance of overcoming this problem is substantiated and the author's views on the issues of legal nihilism and the elimination of the causes contributing to it in the youth environment are presented.

Keywords: legality, youth, rule of law, legal nihilism, law and order, legal awareness, causes of legal nihilism

Introduction

Legal nihilism for some part of society, even in a modern state governed by the rule of law, where the rights and freedoms of man and citizen are respected, and all the necessary tools for their state protection are created, can be considered a completely natural phenomenon, although extremely negative. Overcoming it is the most important task of the state and at the same time-the problem of the state. This also means the need to study the specific reasons that give rise to legal nihilism. This justifies the relevance of the topic under consideration.

The main part

Within the framework of studying the problem of nihilism in relation to the youth environment, first of all, it is necessary to clarify the range of subjects that form this environment. And this task seems to be extremely difficult, since the concept of "youth" is defined excessively broadly, in many respects even abstractly, both in the framework of science and in the framework of legislation. To understand this, it is enough only to refer to clause 1 of Article 2 of Federal Law No. 489-FZ of 30.12.2020 (as amended on 23.07.2025) "On Youth Policy in the Russian Federation" [1], according to which young people are a socio-demographic group of people whose age is determined by the state budget. age ranges from 14 to 35 years, inclusive.

It is noteworthy that the same article provides for the possibility of setting a different age limit for classifying a person as a youth, and this age must be at least 35 years inclusive. That is, the de jure category of young people includes a fairly wide range of subjects, some of which are minors, children, while others are quite mature individuals who are fully independent and have reached certain heights, including in their careers.

For research purposes, of course, these limits may be narrowed, including conditional exclusion of minors from the category of youth. But in any case, this term can refer to the most active part of the population.

If we speak in relation to modern realities, the concept of "youth" covers almost the entire part of the population that was brought up in the post-Soviet period of national history. This is exactly the generation that did not find the Soviet era and did

not adopt the corresponding Soviet values. In this sense, the category under consideration, despite its diversity, is of particular interest for studying the manifestations of legal nihilism.

The very phenomenon of legal nihilism, regardless of the category of the population under consideration, is interpreted in different ways. And in this regard, there are many approaches outlined in the literature, not only legal, but also philosophical. Therefore, it is extremely important to emphasize the multi-faceted, interdisciplinary nature of this phenomenon and its sociality.

In general, the essence of legal nihilism is that it reflects a deformed state of legal consciousness and is characterized by a complete or partial denial of the value of law, a disdainful attitude to law, which ultimately is projected onto legally significant behavior, exerting an exclusively destructive influence on it [7, p. 9].

On the other hand, we can also see some elements of the constructive influence of legal nihilism. In particular, the manifestation of nihilism and the study of this problem gives an understanding of the shortcomings that the legislation contains. And this creates a certain incentive for its improvement. Although such a constructive component is very conditional.

The variety of manifestations of nihilism allows us to consider it from different angles. Thus, T. V. Rekhacheva identifies nihilism coming from the people, calling it legal nihilism, as well as nihilism coming from public authorities, calling it constitutional. And in many ways, the latter is a prerequisite for the formation of the former [8, p. 29].

G. Khamitova, describing the essence of legal nihilism, emphasizes its expression in the denial of law as a social good. Moreover, such denial is expressed in disrespect not only for the law, but also for justice, in violation of legal regulations and prohibitions, which ultimately harms the state, society and individual citizens. In general, nihilism reflects alienation from the existing legal system. A specific manifestation of legal nihilism, she calls disrespectful attitude to the activities of authorities and law enforcement agencies [10, p. 79].

The above statement, in general, quite clearly reflects the essence of legal nihilism. However, it is not necessary to say that this concept has received legal consolidation, and therefore the scope of this phenomenon remains extremely vague. Nevertheless, it is impossible not to recognize that nihilism itself can manifest itself in different ways, both in the form of lawful actions (inaction) and in the form of illegal actions (inaction), recognized, for example, as administrative offenses or criminally punishable acts.

The problem of legal nihilism, including in the youth environment, could not be ignored by the authorities, and therefore it is mentioned in a number of strategic planning documents, primarily in the Strategy for the Implementation of Youth Policy for the Period up to 2030[2], which reflects a number of issues related to the development of legal nihilism. There are very serious problems present in the field of youth policy, which determine the phenomenon of legal nihilism. First of all, this Strategy draws attention to the presence of two barriers that are socio-economic in nature. The first one concerns the financial and housing conditions of the family, the second one-combining work and raising children. It is obvious that in difficult living conditions characterized by financial, housing, family, and professional difficulties, there are also certain prerequisites for the formation of a nihilistic attitude towards the state and its existing legal system.

This document also outlines the problem of offenses committed by young citizens. Persons between the ages of 14 and 29 account for about 30% of all criminal acts. In this regard, it is not possible to adequately correlate the proportion of crimes committed by young people with the proportion of crimes committed by other categories of citizens, including due to the heterogeneity of the youth environment [2].

It is necessary to pay attention to the fact that in recent years there has been a tendency to increase the number of minors who are victims of crimes, which is also noted in the Strategy under consideration. Obviously, this factor cannot but influence the formation of a nihilistic attitude to the law, because if criminal acts are committed

against an individual, then trust in the state, law enforcement system and justice is undermined.

In general, the Strategy under consideration identifies a fairly wide range of issues that are complex in nature, complicate the life of young people and influence the formation of a nihilistic attitude to the law:

- issues of a value-ideological nature;
- demographic issues.
- social issues;
- economic issues;
- issues related to state and public security;
- issues of youth participation and youth self-government [2].

The following issues are highlighted:

- lack of measures for the social reintegration of young people at risk, including young people who find themselves in a difficult life situation;
- insufficient conditions for personal growth and self-realization of young citizens with disabilities;
- continuing administrative and legal barriers to youth employment;
- the weakness of the education system in the field of working with information, identifying false information flows, responding to bullying situations, and ensuring the security of personal data [2].

In the Strategy discussed above, the problems of legal nihilism are not singled out separately, as are the factors that generate nihilism. However, the problematic issues presented above can also be considered in the context of factors that contribute to nihilism.

In the literature, a slightly different approach is more often used, in which the factors contributing to legal nihilism are grouped into socio-economic, political-legal, and socio-cultural ones. In addition, the problem of insufficient effectiveness of the legal education system is highlighted [6, p. 45]. Of course, these factors are complex, and each of them can be represented by a whole group of specific problems.

These factors are as abstract as possible, and in general they can explain almost any socio-legal phenomenon. However, there are also factors that are specific to young people. In this regard, V. V. Fedotovskaya emphasizes the difficulty of adapting young people to such social phenomena as unemployment, a legal and information vacuum, and an inadequate educational process [9, pp. 444-445].

Other authors take a more differentiated approach to understanding the factors that generate nihilism, highlighting:

- general reasons (socio-economic, political and legal reasons, historical);
- special reasons (self-serving material, moral, cultural);
- particular causes [7, pp. 9-10].

Among the reasons that give rise to nihilism, it is impossible not to mention the presence of shortcomings in the current legislation. Often, citizens, especially those representing the younger generation, are simply not informed or poorly informed about the rules of conduct that are established by current legislation. In many respects, this problem is mediated by an extensive regulatory framework, and it contains a lot of contradictions [10, p. 80].

Among the causes of legal nihilism among young people, it is impossible not to highlight social contradictions, in particular, between the prescribed goals that are considered significant in society and the legal opportunities that this society provides to young people; contradictions between broad opportunities for choice in various fields of activity and limited legal means of realizing these opportunities; contradictions between the expansion of needs in qualified, prestigious and highly paid work and limited opportunities to meet them [5, pp. 46-47].

Of course, the efforts of the state and society as a whole, including within the education system, are trying to minimize these contradictions. However, the results of this work do not give the proper effect for various reasons, including the lack of a comprehensive approach to problem solving [6, p.45].

Speaking about the lack of a comprehensive approach, let's turn to the Report on the implementation in 2024 of the Federal Agency for Youth Affairs ' action plan for

the period 2019-2024 [4], which notes extremely positive aspects, what has been done, and without reference to specific problems. That is, the results in the context of solving individual problems that would somehow reflect the dynamics of the situation of young people are not presented in this document. In other words, the results of the implementation of the youth policy are presented outside the context of youth problems.

As part of the problem of legal nihilism among young people, it is worth noting the established practice in law enforcement agencies, characterized by the lack of tracking crime statistics specifically among young people, as well as the commission of crimes against young people [3]. Perhaps, in the context of the problems that law enforcement agencies are trying to solve, this nuance is not particularly important, but from the point of view of improving youth policy and overcoming the problems of legal nihilism among young people, this issue plays an important role.

Conclusion

Summing up, we can conclude that there are many reasons for legal nihilism, and the role of each of them cannot be unambiguously assessed. Nevertheless, one of the most important reasons is the lack of systematic measures on the part of the state aimed at overcoming legal nihilism, which would take into account the characteristics of each specific category of the population, including young people, and its individual age groups. Taking into account this circumstance, it is necessary to organize systematic targeted work to overcome legal nihilism among young people, including, first of all, legal education within the educational system, which ensures the formation of ideas about the law and the possibilities of its practical use. The basic understanding of constitutional, civil, criminal and administrative law should serve as a guideline for the development of legal education in this area.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства

РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

2. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р; ред. от 08.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 36. Ст. 5484.

3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>

4. Доклад о реализации в 2024 году плана деятельности Федерального агентства по делам молодежи на период 2019 – 2024 годов (утв. Руководителем Росмолодежи 28.02.2025) // Официальный сайт Росмолодежи. URL: https://fadm.gov.ru/upload/iblock/ea7/m0dswlhck2a78jnj9f28iv5imne4cvjn/O_реализации_в_2024_плана_деятельности.pdf

5. Аникеева О.А., Воронцова Е.А. Правосознание современных подростков и молодежи: технологии преодоления правового нигилизма // Вестник экономических и социологических исследований. 2023. № 1. С. 45–50.

6. Дзодзиков З.У. Конституционные права и обязанности молодежи: проблемы реализации в современной России // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 38–52.

7. Пронина К.Ю. Правовой нигилизм государственных служащих в России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 229 с.

8. Рехачева Т.В. Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма: дис ... канд. юрид. наук. Омск 2023. 198 с.

9. Федотовская, В. В. Правовой нигилизм среди молодежи, его влияние на общество и возможные пути преодоления // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 11(68). С. 444–455.

10. Хамитова Г. Правовой нигилизм молодежи: причины, пути преодоления // Право и управление. XXI век. 2011. № 1(18). С. 79-86.

References

1. Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ (red. ot 23.07.2025) «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 1 (ch. I). St. 28.
2. Strategiya realizacii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2030 g. (utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17.08.2024 № 2233-r; red. ot 08.05.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 36. St. 5484.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/reports/item/60248328/>
4. Doklad o realizacii v 2024 godu plana deyatel'nosti Federal'nogo agentstva po delam molodezhi na period 2019 – 2024 godov (utv. Rukovoditelem Rosmolodezhi 28.02.2025) // Oficial'nyj sayt Rosmolodezhi. URL: https://fadm.gov.ru/upload/iblock/ea7/m0dswlhck2a78jnj9f28iv5imne4cvjn/O_realizacii_v_2024_plana_deyatelnosti.pdf
5. Anikeeva O.A., Voronczova E.A. Pravosoznanie sovremennyx podrostkov i molodezhi: texnologii preodoleniya pravovogo nigilizma // Vestnik e'konomicheskix i sociologicheskix issledovanij. 2023. № 1. S. 45–50.
6. Dzodzikov Z.U. Konstitucionny'e prava i obyazannosti molodezhi: problemy realizacii v sovremennoj Rossii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2023. № 5. S. 38–52.
7. Pronina K.Yu. Pravovoj nigilizm gosudarstvennyx sluzhashhix v Rossii: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 229 s.
8. Rexacheva T.V. Organizacionno-pravovoj mexanizm preodoleniya konstitucionnogo nigilizma: dis ... kand. jurid. nauk. Omsk 2023. 198 s.
9. Fedotovskaya, V. V. Pravovoj nigilizm sredi molodezhi, ego vliyanie na obshhestvo i vozmozhny'e puti preodoleniya // Vestnik nauki. 2023. T. 1, № 11(68). S. 444–455.
10. Xamitova G. Pravovoj nigilizm molodezhi: prichiny, puti preodoleniya // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2011. № 1(18). S. 79-86.

Научная статья

УДК 342, 351.9

СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

**Примаков Алексей Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Могилевский
институт МВД, Могилев, Беларусь, alprimkrl@outlook.com**

Аннотация

Статья посвящена исследованию соотношения контроля и надзора в современной государственно-правовой доктрине. Контроль и надзор выступают важнейшими видами (направлениями) деятельности любого государства, составляя основу его системы управления, определяя эффективность и стабильность этой системы. В то же время вопросы, касающиеся контроля и надзора, в том числе и теоретико-правового характера, во многом носят проблемный характер, что в полной мере справедливо для темы соотношения контроля и надзора. С учётом этого в статье рассмотрены различные подходы к определению правовой сущности указанных понятий, а также подходы к определению их соотношения друг с другом. Проблема исследуется с учётом норм действующего Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», иных федеральных законов, регламентирующих контрольно-надзорную деятельность государства. Подчёркивается разнообразие взглядов на данную проблематику и неоднозначность нормативной основы, что выражается, в частности, в использовании законодателем такой конструкции, как «контроль (надзор)», и де-факто, и де-юре смешивающей указанные понятия, несмотря на наличие некоторых различий между ними. Исходя из рассмотренных источников формулируются авторские выводы о соотношении контроля и надзора.

Ключевые слова: контроль, контрольно-надзорная деятельность, надзор, органы контроля, органы надзора.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN CONTROL AND SUPERVISION IN MODERN STATE-LEGAL DOCTRINE

Primakov Alexey Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, Mogilev, Belarus

Abstract

The article is devoted to the study of the relationship between control and supervision in modern state-legal doctrine. Control and supervision are the most important types (areas) of activity of any state, forming the basis of its management system, determining the effectiveness and stability of this system. At the same time, issues related to control and supervision, including those of a theoretical and legal nature, are largely problematic, which is fully true for the topic of the relationship between control and supervision. With this in mind, the article discusses various approaches to determining the legal essence of these concepts, as well as approaches to determining their relationship to each other. The problem is being investigated taking into account the norms of the current Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" and other federal laws regulating the control and supervisory activities of the state. The author emphasizes the diversity of views on this issue and the ambiguity of the regulatory framework, which is expressed, in particular, in the use by the legislator of such a construction as "control (supervision)", which both de facto and de jure confuses these concepts, despite the presence of some differences between them. Based on the sources considered, the author's conclusions about the relationship between control and supervision are formulated.

Keywords: control, control and supervisory activities, supervision, control bodies, supervisory authorities.

Введение

В теоретико-правовой доктрине контроль и надзор принято рассматривать как неотъемлемую часть деятельности государства, как элемент государственной власти, обусловленный самой природой государства, причём независимо от того, на каком именно историческом этапе развития оно находится и какой политический режим в нём установился [9, с. 9]. То есть проблематика контрольно-надзорной деятельности актуальна для любого государства без исключения, особенно если учесть определённую проблемность этой деятельности.

Среди фундаментальных проблем, которые присущи рассматриваемой деятельности, выделяется вопрос терминологии, то есть определения понятий контроля и надзора, а также соотношения данных понятий друг с другом. В условиях российской правовой системы и сформировавшейся государственно-правовой доктрины пока не приходится говорить о наличии какого-либо общепринятого подхода, отсюда и необходимость поиска вариантов для определения указанного соотношения.

Основная часть

В Российской Федерации действует ряд законодательных актов, обеспечивающих правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности, но ключевым из них, по мнению автора, является Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3] (далее - Закон № 248-ФЗ), в ч. 1 ст. 1 которого под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия мер пресечения, устранения их

последствий и (или) восстановления правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

В ч. 2 ст. 1 рассматриваемого Закона подчёркивается нацеленность контроля (надзора) на достижение общественно значимых результатов, которые в целом связаны с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. То есть указанный Закон формирует общее представление о сущности контроля (надзора), его ключевых элементах (субъектах, объекте, предмете, целях).

Помимо того, в ч. 3 ст. 1 рассматриваемого Закона приведен перечень видов деятельности, которые не охватываются понятием контроля (надзора), и к ним отнесены, в частности:

- оперативно-разыскная деятельность (ОРД), дознание и предварительное следствие;
- производство и исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях;
- прокурорский надзор.

В целом перечень видов государственной и муниципальной деятельности, не подпадающих под понятие контроля или надзора, является достаточно широким, и в данном случае приводить его не представляется необходимым. Однако рассмотренная выше норма даёт возможность сформулировать некоторые выводы относительно того, что же представляет собой контроль и надзор с позиции государства.

Во-первых. регламентируемый рассмотренным выше Законом контроль (надзор) определён именно «в целях настоящего Федерального закона», то есть представленная в ст. 1 трактовка является, безусловно, узкой, и не может быть применена для обозначения контроля или надзора в целом, в контексте его теоретического осмысления.

Во-вторых, в рамках приведённого определения понятия «контроль» и «надзор» объединены общей конструкцией «контроль (надзор)». То есть

законодатель принципиально данные понятия не разграничивает, не позволяя и определить их соотношение друг с другом однозначно, хотя в литературе господствует иное видение.

Тем не менее, употребление указанной комплексной конструкции позволяет полагать, что контроль и надзор рассматриваются законодателем либо как синонимы, либо как принципиально различные составляющие одного комплексного вида деятельности - контроля (надзора).

В-третьих, достаточно широкий спектр видов деятельности государства, в том числе прямо именуемых надзором, в рамках рассмотренного выше Закона не рассматривается, что представляется весьма странным, особенно с учётом положений Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» [1], согласно ст. 1 которого, прокуратура является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляемых надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, наряду с иными функциями.

Поэтому, рассматривая контроль и надзор, в том числе в контексте их соотношения друг с другом, принципиально важно абстрагироваться от указанного Закона с пониманием того, что рассматриваемые феномены в их теоретической правовой сущности более широки, нежели это отражено в Законе.

Нельзя не обратить внимание и на утративший ныне силу Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» [4]., ст. 2 которого государственный контроль (надзор) трактовала как проведение проверки выполнения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем обязательных требований. Помимо того, в указанной статье конкретизировалась и сущность мероприятия по контролю (надзору) как совокупность определённых действий должностных лиц органов государственного контроля (надзора). В этом смысле становится очевидно, что

само понятие государственного контроля (надзора) является более широким в сравнении с понятием мероприятия по контролю (надзору).

В литературе подчёркивается, что законодатель не справился с терминологической задачей, упростив её внедрением конструкции «контроль (надзор)» в 2001 г. [6, с. 16]. С того времени указанная конструкция неизменно присутствуют в российском законодательстве и определённо осложняет задачу преодоления терминологической неопределённости между контролем и надзором, по крайней мере, на доктринальном уровне.

В ныне действующем Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [2] тоже употребляется понятие государственного контроля (надзора), который в ст. 2 трактуется именно в качестве деятельности уполномоченных органов власти, которая нацелена на предупреждение, выявление, пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями, иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями требований, установленных законодательством, посредством организации и проведения проверок, организации проведения мероприятий по профилактике нарушений, мероприятий по контролю, мероприятия по пресечению, устранению последствия выявленных нарушений, а также систематического наблюдения за исполнением обязательных требований указанными субъектами.

Представленное определение достаточно подробно раскрывает суть контроля (надзора), однако тоже не позволяет сформировать точного представления о том, чем же отличается контроль от надзора. Но опираясь на указанное определение, можно с некоторой условностью прийти к выводу, что с точки зрения законодателя контроль и надзор - это не только неразрывно взаимосвязанные, но и близкие по своей сущности виды деятельности государства, особенно если учитывать, что правовое содержание контроля и надзора включает в себя цели, задачи, функции, субъекты, объекты, формы и

методы [8, с. 106]. То есть структурно контроль и надзор идентичны. Что же касается содержательной идентичности, то она под вопросом.

Например, если рассматривать задачи контроля и надзора, то в целом они состоят в обеспечении законности и дисциплины в деятельности граждан и организаций, поддержании общественного правопорядка и безопасности, выявлении и пресечении противоправных действий (бездействия) [8, с. 110]. В этом смысле совершенно обоснованно в литературе употребляется понятие контрольно-надзорной деятельности именно в качестве способа обеспечения законности [7, с. 42]. Изложенное даёт возможность сделать вывод и об обоснованности применения конструкции «контроль (надзор)».

Вместе с тем, в литературе сложилось относительно устойчивая практика разграничения терминов «контроль» и «надзор», в том числе и исходя из их этимологического значения, хотя определённая синонимичность тоже присутствует [7, с. 43]. То есть определённые основания имеют подходы, в рамках которых контроль и надзор рассматриваются в качестве синонимов, и подходы, в рамках которых контроль и надзор принципиально разграничиваются.

Примечательно, что А.В. Колязина описывает надзор как часть контрольной деятельности, которая охватывает лишь проверку исполнения норм закона, подзаконного акта или индивидуального акта, отличающуюся формой деятельности. В основе же разграничения контроля и надзора указанный автор отмечает характер отношений между субъектом и объектом: если в контрольных отношениях преимущественно присутствует подчиненность, то осуществление надзора происходит по отношению к неподчиненным органам, гражданам и организациям [7, с. 49-50]. Такой подход в целом точно отражает суть различий между контролем и надзором.

Во многом схожую позицию выражает Ю.С. Смородинова, рассматривая контроль именно в контексте управленческой деятельности, как предполагающий наблюдение, выявление, устранение нарушений. Однако, и

надзор в её понимании тоже рассматривается в качестве вида управленческой деятельности, но в отношении субъектов, которые не находятся в подчинении надзирающего субъекта [10, с. 12]. Весьма спорная позиция, особенно если рассматривать надзор, например, применительно к органам прокуратуры, осуществляющим соответствующие надзорные мероприятия в отношении субъектов, ни коим образом от неё независимых и в полной мере самостоятельных. В этом смысле надзор вряд ли уместно рассматривать как вид управленческой деятельности, а если такое допустимо, то лишь в отдельных исключительных случаях.

Примечательно, что во многих научных исследованиях акцент делается именно на контрольно-надзорной деятельности в целом. Применительно к ней рассматриваются те или иные особенности, в том числе формы деятельности [9, с. 64]. Однако, использование такого подхода не даёт возможности выделить принципиальные различия между контролем и надзором как неотъемлемыми составляющими такого рода деятельности.

Тем не менее, и применительно к контролю, и применительно к надзору можно отметить комплексный межотраслевой характер [9, с. 9-10].

Примечательно, что в литературе высказываются даже идеи о выделении относительно самостоятельной власти, именуемой контрольно-надзорной [9, с. 10]. С учётом этого как контрольная, так и надзорная деятельность может быть рассмотрена именно как деятельность властная.

Д.К. Дитрих совершенно обоснованно отмечает, что с учётом современного состояния законодательства корректное разграничение контроля и надзора оказывается невозможным. Даже в пределах отдельных нормативных актов терминологическое единство не прослеживается, а само содержание контроля и надзора остаётся дискуссионным вопросом [5, с. 380]. Соглашаясь с данной позицией, нельзя не признать принципиальной важности поиска как сходств, так и различие между контролем и надзором, ведь данные виды деятельности так или иначе во многих случаях упоминаются врозь.

Для выявления принципиального отличия надзора уместно обратиться к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». Исходя из его норм, надзор не предполагает прямого вмешательства в деятельность поднадзорного субъекта и прямого применения мер принуждения, при этом реализуется в отношении субъектов, которые не находятся в подчинении органов прокуратуры. Такой взгляд на сущность надзора вполне уместно распространить и на иные случаи надзора. А это уже позволяет формулировать определённые выводы о соотношении контроля и надзора друг с другом.

Заключение

Закон не содержит норм, которые бы позволяли однозначно отграничить контроль от надзора. Однако, исходя из анализа литературы и законодательства, можно выявить определённые различия, по крайней мере на теоретическом уровне. Надзор не предполагает прямого вмешательства в деятельность поднадзорного субъекта, причём сами поднадзорные субъекты в отношениях подчинённости с надзорным органом не находятся. В этом смысле не прослеживается и управленческая составляющая надзора. Контроль же, как правило, реализуется в отношении подчинённых субъектов и предполагает возможность вмешательства в деятельность подконтрольного. Но выделяемые различия носят условный характер, в связи с чем законодатель уже давно принял решение рассматривать контроль и надзор в их взаимосвязи, хотя в отдельных государственных структурах данные виды деятельности принципиально различаются.

Исходя из этого, автор считает, во-первых, принципиально невозможным рассмотрение контроля и надзор в качестве синонимов, полагая, что это различные виды деятельности; во-вторых, их цели и (или) задачи состоят в предупреждении, выявлении, пресечении противоправных деяний, но разными методами: в рамках надзора имеет место, как правило, опосредованное влияние, в рамках контроля - прямое.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-І (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.І). Ст. 6249.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. І). Ст. 5007.
4. Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. І). Ст. 3436 – утратил силу.
5. Дитрих Д.К. Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 9А. С. 377-383.
6. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2023. 232 с.
7. Колязина А.В. Государственный контроль и надзор в жилищнокоммунальном хозяйстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 246 с.
8. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования: монография / под науч. ред. А.В. Мартынова. Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 251 с.

9. Романов С.А. Контрольно-надзорные органы в механизме современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 176 с.
10. Смородинова Ю.С. Контроль и надзор в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (административно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 210 с.

References

1. Federal'ny'j zakon ot 17.01.1992 № 2202-I (red. ot 03.02.2025) «O prokurature Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 47. St. 4472.
2. Federal'ny'j zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ (red. ot 26.12.2024) «O zashhite prav yuridicheskix licz i individual'ny'x predprinimatelej pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 52 (ch.I). St. 6249.
3. Federal'ny'j zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 24.06.2025) «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 31 (ch. I). St. 5007.
4. Federal'ny'j zakon ot 08.08.2001 № 134-FZ «O zashhite prav yuridicheskix licz i individual'ny'x predprinimatelej pri provedenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 33 (ch. I). St. 3436 – utratil silu.
5. Ditrix D.K. Kontrol' i nadzor: problemy` terminologii v rossijskom zakonodatel'stve // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 9A. S. 377-383.
6. Zy`ryanov S.M. Gosudarstvenny'j kontrol' (nadzor): monografiya. M.: IZiSP pri Pravitel'stve RF; ООО «YuRIDICHESKAYa FIRMA KONTRAKT», 2023. 232 s.
7. Kolyazina A.V. Gosudarstvenny'j kontrol' i nadzor v zhilishhnokommunal'nom xozyajstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2018. 246 s.
8. Konceptiya pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya informacionny'x tehnologij v sfere gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v usloviyax «cifrovoj

е`konomiki»: rezul`taty` issledovaniya: monografiya / pod nauch. red. A.V. Marty`nova. N. Novgorod: Izd-vo NGU im. N.I. Lobachevskogo, 2021. – 251 s.

9. Romanov S.A. Kontrol`no-nadzorny`e organy` v mexanizme sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 176 s.

10. Smorodina Yu.S. Kontrol` i nadzor v deyatel`nosti organov ispolnitel`noj vlasti sub``ektov Rossijskoj Federacii (administrativno-pravovoj aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2015. 210 s.

Научная статья

УДК 340.113

ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

**Морган Скайлер, Ph.D., доцент факультета криминологии, уголовного правосудия и управления в чрезвычайных ситуациях, Калифорнийский государственный университет, Лонг-Бич, Калифорния, США,
skymorgcb@bk.ru**

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к трактовке правомерного поведения. Затрагиваются вопрос обязательности (необязательности) соответствия социально полезным целям. Обращается внимание на наличие отраслевой специфики признания поведения правомерным, что означает возможность признания одного и того же поведенческого акта правомерным в рамках одной отрасли законодательства (права) и неправомерным – в рамках другой отрасли. Приводятся соответствующие примеры юридически значимого поведения, неодинаково оцениваемого в рамках разных отраслей права. Подчеркивается многообразие форм проявления правомерного поведения. Анализируется проблема маргинального поведения в контексте правомерности и отмечается его пограничный характер. Рассматриваются некоторые аспекты злоупотребления правом. Обосновывается отрицание осознанности как обязательного признака любого правомерного поведения. Оспаривается также активность в качестве признака правомерного поведения ввиду возможности признания правомерным и пассивного поведения (бездеятельности). Наличие обязательной четкой правовой регламентации также ставится под сомнение: об этом свидетельствует наличие пробелов в законодательстве. Указывается на наличие специфики правомерного поведения, обусловленной его чрезвычайным многообразием. По итогу формулируется авторский вариант определения понятия «правомерное поведение», с учетом отраслевой специфики правового регулирования.

Ключевые слова: правомерное поведение, правонарушение, преступление, соблюдение законодательства, юридическая ответственность, юридически значимое поведение

Original article

PROBLEMS OF THE DOCTRINAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY OF "LAWFUL BEHAVIOR"

**Skyler Morgan, Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminology,
Criminal Justice and Emergency Management, California State University,
Long Beach, California, USA**

Abstract

The article discusses approaches to the interpretation of lawful behavior. The issue of the obligation (non-obligation) to meet socially useful goals is raised. Attention is drawn to the existence of industry-specific recognition of behavior as lawful, which means the possibility of recognizing the same behavioral act as lawful within one branch of legislation (law) and unlawful within another branch. Relevant examples of legally significant behavior are given, which are assessed differently in different branches of law. The variety of forms of legitimate behavior is emphasized. The problem of marginal behavior in the context of legality is analyzed and its borderline character is noted. Some aspects of abuse of law are considered. The author substantiates the denial of awareness as a mandatory feature of any lawful behavior. Activity is also disputed as a sign of legitimate behavior due to the possibility of recognizing passive behavior (inactivity) as legitimate. The existence of mandatory clear legal regulations is also being questioned: this is evidenced by the presence of gaps in legislation. It is pointed out that there is a specificity of lawful behavior due to its extreme diversity. As a result, the author's version of the definition of "lawful behavior" is formulated, taking into account the industry specifics of legal regulation.

Keywords: lawful behavior, offense, crime, compliance with legislation, legal responsibility, legally significant behavior

Введение

В теории государства и права вопросы понимания сущности юридически значимого поведения всегда находились и продолжают находиться в центре внимания. Интерес к ним вполне закономерен, поскольку именно от того, как понимается феномен правомерного поведения, зависит решение многих фундаментальных проблем, в том числе и связанных с определением сущности правонарушения (преступления) и установлением оснований ответственности за него.

Несмотря на огромный массив научно-исследовательского материала по данной теме, в вопросах понимания феномена правомерного поведения не получилось достичь единодушия. Это означает и недостаточную разработанность данной темы.

С учётом состояния исследуемой проблематики целью автора статьи является уточнение содержания понятия «правомерное поведение» в контексте отечественной доктрины права.

Основная часть

Затрагивая доктринальный аспект правомерного поведения, будет не лишним заметить, что сам феномен такого поведения на протяжении всей истории человечества неуклонно эволюционировал. В целом же представления о нём были сформированы в Новейшее время [1, с. 262]. Тем не менее, на сегодняшний день было бы ошибкой утверждение о том, что эволюция рассматриваемого феномена остановилась.

Если рассматривать правомерное поведение в наиболее обобщённом виде, то его можно определить как поведение субъекта правоотношений, согласуемое с действующими правовыми нормами и (или) не вступающее в противоречие с ними [3, с. 6]. Основной акцент здесь делается именно на отсутствии противоречий установленным в обществе и государстве нормам.

В этой связи ключевой характеристикой или критерием правомерности того или иного поведения является совпадение регламентации и поведения, выражающегося в действии или бездействии конкретного субъекта [3, с. 6].

Изложенное означает, что в целом поведением, в том числе правомерным, может признаваться как действие, так и бездействие, что выражает многоаспектность и вариативность данного правового явления.

Вариативность и многоаспектность указанного феномена подчёркивает, в частности, М.С. Бирюкова, характеризующая также его волевой характер, соответствие правовым нормам и социально полезным целям [1, с. 264].

Признавая во многом обоснованным такой взгляд на правомерное поведение, нельзя не согласиться с некоторыми нюансами. В частности, о соответствии социально полезным целям правомерного поведения не всегда можно говорить с абсолютной уверенностью, если признать, что в определённых случаях индивид может совершенно законно бездействовать, когда общество и (или) государство нуждается в его активности.

В то же время, правомерность поведения не всегда может быть поставлена под сомнение, когда такое поведение не в полной мере отвечает социально полезным целям. Например, отказ гражданина от участия в выборах в качестве избирателя является в полной мере законным, по крайней мере, в условиях российской правовой системы. Вместе с тем, о социальной полезности такого поведения говорить не приходится. То, то есть не всякое правомерное поведение однозначно отвечает социально полезным целям.

Но и не отвечающее социально полезным целям правомерное поведение может не вступать с ними в противоречие. Представленный пример об этом также свидетельствует: отказываясь от голосования на выборах, пример, гражданин не создаёт препятствий государству или обществу в достижении социально полезной цели, связанной с формированием властных институтов, к коим относятся избираемые представительные органы власти.

Сложности в выработке единого подхода к пониманию правомерного поведения в немалой степени обуславливаются отраслевой спецификой. То или иное поведение субъекта в контексте его правомерности или неправомерности можно рассматривать с позиций практически любой отрасли права (законодательства), которая в настоящее время существует и которой так или иначе касается поведение. То есть один и тот же поведенческий акт или бездействие может быть рассмотрен с позиции конституционного, уголовного, административного, гражданского, трудового права и т.д. [1, с. 263]. Очевидно, что этот условный поведенческий акт в рамках одной отрасли права может быть расценён в качестве правомерного поведения, в то время как в контексте другой отрасли права он будет признан неправомерным. Примером может быть опоздание на работу или прогул, не представляющие де-юре общественной опасности с позиций уголовного законодательства, но наказуемые, как правило, в рамках трудовых правоотношений.

Определённые сложности в выработке единообразного подхода к пониманию феномена правомерного поведения опосредуются его многообразием, на что указывается и в литературе [1, с. 263]. Причём логичность такого взгляда на феномен правомерного поведения сомнений не вызывает, особенно при анализе норм действующего законодательства, которое предоставляет широкие возможности для избрания линии правомерного поведения, причём применительно к самым разным правовым ситуациям.

В свете сказанного весьма актуальным является вопрос признания правомерным такого поведения, которое принято именовать маргинальным. Сам феномен маргинального поведения уже прочно вошёл в юридический лексикон, однако нормативного закрепления не получил, что затрудняет его оценку с позиций правомерности. В то же время в литературе совершенно обоснованно подчёркивается специфичность такой формы существования. Причём нередко указывается на правомерность маргинального поведения. Во всяком случае, такая позиция преобладает в современной литературе [1, с. 263].

Чаще всего в числе особенностей маргинального поведения отмечаются конформизм, депрессивность, преобладание нигилистических реакций, в чем нередко бывают вполне конкретные причины, а именно и фактическая и юридическая ограниченность маргинальных субъектов в возможностях проявления правовой активности [1, с. 263].

Однако можно поспорить по поводу того, что маргинальное поведение является сугубо пассивным. Полагаем, что и активные проявления маргинального поведения тоже имеют место быть, причем в самых различных жизненных ситуациях: при поиске источников средств к существованию, поиске и обустройстве жилища, проведении досуга и пр.

Трудности в понимании специфики маргинального поведения и его оценке с позиций права побуждают учёных искать компромиссы, результатом чего является признание пограничного характера такого поведения: оно находится между правомерным и неправомерным поведением [1, с. 262]. Причем пограничный характер рассматриваемого поведения обусловлен именно неоднозначностью, неконкретностью, незначительностью различий между соответствующим и несоответствующим законодательству поведением, особенно если учесть тот образ жизни и те возможности, которыми характеризуется существование лиц, именуемых маргиналами.

Особый характер имеет проблема злоупотребления правом в контексте правомерности или неправомерности поведения. Сложность оценки указанного феномена в том, что изначально он связан с реализацией субъективного права, а значит, с изначально признаваемой правомерной активностью, которая в дальнейшем выходит за некоторые допустимые законом пределы [3, с. 15]. И формирование доктринальных взглядов на феномен злоупотребления правом осложнено тем, что зачастую само нарушение не является очевидным, особенно в тех условиях, когда конкретные рамки регулятором не обозначены. Например, в случае наличия законодательного пробела, злоупотребление правом де-факто может иметь место, однако де-юре конкретная юридически значимая активность

злоупотреблением может и не признаваться. Именно в таких ситуациях возникает неопределённость.

На практике вопрос решается, как правило, исходя из юридических последствий: если конкретные негативные правовые последствия для субъекта возникают, то его деяние рассматривается как злоупотребление; в иных же случаях даже злоупотребление правом может быть признано правомерным. Хотя законодатель всеми силами старается такого рода ситуации предотвратить.

По этой причине злоупотребление правом зачастую тоже рассматривается как некое пограничное положение или даже нейтральное положение между правомерным и неправомерным поведением [3, с. 8]. Но думается, что такой подход уместен лишь в отдельных случаях, когда закон однозначной оценки злоупотребления правом не предусматривает.

Специфика злоупотребления правом выражается и в том, что изначально оно начинается с правомерного поведения, которое перетекает в неправомерное (условно неправомерное). Иными словами, правомерность в действиях или бездействиях субъекта утрачивается [3, с. 8].

Интересный взгляд на рассматриваемую проблематику демонстрирует Д.В. Рукавишников, характеризуя правомерное поведение как общественно значимое, которые соответствуют требованиям правовых норм, носит осознанный характер, выражается в их исполнении, соблюдении, использовании, причем гарантируется и охраняется государством [5, с. 13]. С некоторыми характеристиками здесь можно поспорить.

Например, осознанность, как мы полагаем, имеет место не всегда. Зачастую, правомерное поведение является лишь привычной моделью выражения активности, когда индивид не задумывается о том, является ли оно социально полезным, необходимым, обязательным. Например, ненарушение норм уголовного законодательства, выражающееся в несовершении тех или иных преступных деяний, для гражданина, как правило, является естественным, разумным, во всяком случае, в тех ситуациях, когда речь не идёт о

необходимости принятия конкретных юридически значимых решений. Отсюда можно полагать, что правомерное поведение может быть не только осознанным, но и неосознанным.

Оценка того или иного поведения с позиции правомерности обычно даётся исходя из действующих в государстве норм законодательства. Однако некоторыми авторами такой подход ставится под сомнение. К примеру, Д.М. Бортников пишет, что использовать нормы права для формулировки сущности правомерного поведения не вполне корректно, ведь не все отношения регламентируются нормами. И в обоснование таких взглядов он не рассматривает в качестве правомерного такое поведение, которое не подпадает под правовое регулирование, даже если оно не противоречит действующему законодательству. То есть поведение, носящее нейтральный характер, не нашедшее правового регулирования, данный автор не признает ни правомерным, ни неправомерным [2, с. 107–110].

Весьма спорным является признание обязательной такой характеристики правомерного поведения, как активность. Хотя в современной литературе активность нередко отмечается именно как обязательный признак рассматриваемого поведения [4, с. 226]. Конечно, в целом можно признать, что поведение является выражением активности, однако в определённых случаях оно может носить и пассивный характер и именоваться бездействием, тоже имеющим юридическое значение.

Крайне неоднозначны некоторые другие аспекты правомерного поведения, отмечаемые, в работе Д.В. Рукавишникова [5, с. 21]. Так вызывает сомнение отмечаемое указанным автором наличие чёткой юридической регламентации правомерных действий: думается, что не каждое действие, признаваемое правомерными, в должной мере детально урегулированы.

Общественная значимость правомерного поведения тоже вызывает некоторые вопросы. В целом сомнений в том, что правомерное поведение крайне значимо для общества и государства, нет, однако каждый конкретный акт

правомерного поведения вряд ли может признаваться значимым, особенно в тех случаях, когда речь идёт о пассивном соблюдении установленных законодательством запретов, поскольку это не порождает каких-либо изменений в состоянии общества и правовых отношениях.

Понимание специфики правомерного поведения осложняется его чрезвычайным многообразием, поскольку оно может быть социально активным, социально пассивным, привычным, конформистским, маргинальным, нигилистическим [4, с. 226]. Для каждой модели поведения свойственна своя специфика, которая может стать самостоятельным предметом научного исследования.

Более того, как в целом, так и применительно к каждой из перечисленных моделей, отсутствует какая-либо определённая возможность уточнения границ правомерного поведения. Именно это, по справедливому замечанию С.В. Титовой, препятствует выработке унифицированной дефиниции правомерного поведения в юридической науке. Отсюда и вполне закономерный вывод о том, что в определении сущности правомерного поведения необходимо наличие как общетеоретического, так и межотраслевого элементов [6, с. 112].

Проблематика. Определение сущности правомерного поведения осложняется и таким феноменом, как этика и этические нормы, которые с каждым днём становятся все более значимыми [7, с. 16]. В этой связи многие нарушения этических норм расцениваются как неправомерные акты. В то же время некоторая доля нарушений этических норм под понятие правонарушения не подпадает. Отсюда следует и пограничный характер многих актов правомерного поведения, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют этическим нормам, но одновременно с этим являются правомерными.

Заключение

Феномен правомерного поведения, таким образом, в науке понимается неоднозначно, что, во-первых, обусловлено отсутствием его законодательно

закреплённой трактовки, во-вторых, продиктовано объективными затруднениями или даже невозможностью сформулировать такую трактовку, которая бы отвечала специфике всех отраслей права или, по крайней мере, специфике большинства из них. Задачу выработки определения осложняют и многие нюансы, прямо или косвенно относящиеся к оценке поведения с позиции правомерности. В частности, не вполне понятными остаются вопросы о роли этической составляющей в оценке правомерности поведения субъекта, о понимании сущности злоупотребления правом.

С учётом изложенного, правомерное поведение предлагается определить как многоаспектный правовой феномен, отражающий деятельность и (или) бездеятельность индивида, соответствующую действующему законодательству или, по крайней мере, не нарушающую его в целом или в рамках отдельной сферы (отрасли) регулирования.

Список литературы

1. Бирюкова М.С. Маргинальное правомерное поведение: общетеоретический аспект // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 261–266.
2. Бортников Д.М. Проблемы определения содержания правомерности поведения // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2023. Выпуск 4. С. 106–111.
3. Василевич Г.А., Василевич С.Г. Правомерное поведение и злоупотребление правом // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 5–17.
4. Миронов В.О., Зин Н.В. О правомерном поведении и правонарушении // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 226–228.
5. Рукавишников Д.В. Современные ценности и их влияние на правомерное поведение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 31 с.

6. Титова Е.В. Основные доктринальные подходы к определению категории «правомерное поведение»: конституционно-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 2. С. 110–114.
7. Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5(269). С. 5–20.

References

1. Biryukova M.S. Marginal'noe pravomernoe povedenie: obshheteoreticheskij aspekt // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 261–266.
2. Bortnikov D.M. Problemy` opredeleniya sodержaniya pravomernosti povedeniya // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshhestvo». 2023. Vy`pusk 4. S. 106–111.
3. Vasilevich G.A., Vasilevich S.G. Pravomernoe povedenie i zloupotreblenie pravom // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. № 10. S. 5–17.
4. Mironov V.O., Zin N.V. O pravomernom povedenii i pravonarushenii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 11 (191). S. 226–228.
5. Rukavishnikov D.V. Sovremenny`e cennosti i ix vliyanie na pravomernoe povedenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2011. 31 s.
6. Titova E.V. Osnovny`e doktrinal'ny`e podxody` k opredeleniyu kategorii «pravomernoe povedenie»: konstitucionno-pravovoj aspekt // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. T. 15, № 2. S. 110–114.
7. Tixomirov Yu.A. Povedenie v obshhestve i pravo // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 5(269). S. 5–20.

CONTENTS

CORRELATION BETWEEN THE CODE AND THE FEDERAL LAW: LEGAL-THEORETICAL ASPECT.....	8
DOMESTIC EXPERIENCE OF MARKET ECONOMY DEVELOPMENT UNDER THE CONDITIONS OF SOCIALIST LAW AND ORDER IN 1985-1991: LEGAL ASPECT	23
ON THE CAUSES OF LEGAL NIHILISM AMONG YOUNG PEOPLE UNDER THE RULE OF LAW.....	35
CORRELATION OF CONTROL AND SUPERVISION IN THE MODERN STATE-LEGAL DOCTRINE.....	45
PROBLEMS OF DOCTRINAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY "LAWFUL BEHAVIOR"	57

表格的内容

相关代码之间和联邦法律规定：法律的理论方面.....	8
国内经历的市场经济发展的条件下社会主义法律和秩序在 1985-1991 年：法律方面	23
在引起的法律虚无主义之间的年轻人的统治下的法律.....	35
相关的控制和监督的现代国家的法律原则.....	45
问题的教义的了解的类别"合法行为"的.....	57